

Ида Мартин

*Пусть это
буду я*

**LIKE
BOOK**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Иллюстрация на обложке — @00taquu

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Мартин, Ида.

М29 Пусть это буду я / Ида Мартин. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-171837-4

Восемнадцатилетним двойняшкам Коле и Люсе поступает предложение от известного писателя Гончара: стать прототипами героев его новой книги. Взамен он обещает им гонорар, проживание в старинном особняке в центре Москвы, интересное общество и перспективы.

От ребят не требуется ничего, кроме доверительного разговора.

Брату с сестрой, выросшим без родительской заботы, возможность прикоснуться к богемной столичной жизни кажется чем-то поистине волшебным.

Вот только позже выясняется, что дом писателя полон секретов, странных жильцов, распорядков и правил. Внутренние двери запрещено запираить на ключ, пропуск обеда грозит обернуться наказанием, а существование пятого этажа и вовсе не принимается в расчет.

Со временем двойняшки понимают, что и у писателя на них совсем другие планы.

Но какие тайны хранят постояльцы дома? И что их всех связывает?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171837-4

© Мартин И., 2023
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*С благодарностью
моим родителям*

I used to rule the world
Seas would rise
When I gave the word
Now in the morning I sleep alone
Sweep the streets I used to own.¹

¹ Coldplay, Viva La Vida (здесь
и далее прим. автора).

ГЛАВА 1

Москва оглушала. В ней все пребывало в сосредоточенном, торопливом движении, словно столичное население всем составом стремительно переселялось на Марс.

Коля с Люсей оказались в метро впервые, и сразу стало ясно, что это квест повышенной сложности: карты, маршруты, переходы и эскалаторы, а еще многочисленные человеческие потоки.

Они никогда не видели, чтобы люди так быстро ходили. Мамочки с колясками, старушки с тяжелыми сумками, девушки на высоченных каблуках оказывались быстрее и проворнее их.

Согласно схеме, дорога от Казанского вокзала до нужной им станции занимала не больше четырнадцати минут, но они потратили почти полчаса, разбираясь с пересадками.

Вышли из метро и, скинув рюкзаки и сумки прямо на землю, остановились перевести дух.

— Сгоняю за мороженым? — предложил Коля.

— Не нужно, — забеспокоилась сестра, — вдруг потеряешься.

— Вон магазин, — он мотнул головой, — если подождешь здесь, точно не потеряюсь.

Люся с опаской огляделась.

— Ладно.

— Тебе какое?

— Фисташковое.

Июль сиял в солнечных лучах, и все вокруг словно сверкало алмазной крошкой: дома, дороги, редкие деревья и набережная. Люди тоже искрились.

Проезжая часть была забита машинами: красивыми, дорогими и блестящими на ярком летнем солнце. Они вырвали с разных сторон и заставляли вздрагивать от резких сигналов. Мимо проносились электросамокаты, звякали велосипеды доставщиков, пробегали стайками шумные подростки.

На площади, чуть поодаль от Люси, в окружении плотного кольца зрителей, играли уличные музыканты, и до ее слуха отчетливо доносилось их жизнерадостное многоголосье: «No Woman, No Cry».

Достав из рюкзака бутылку воды, она сделала несколько больших глотков. От жары усталость как будто усилилась.

За двенадцать часов пути можно было отлично выспаться, но от волнения Люся так и не сомкнула глаз. Коля на нижней полке отрубился, как только легли, а она провела ночь, глядя в окно и с замиранием сердца фантазируя о том, что их ждет.

Эта поездка представлялась ей дверью в новый, неизведанный и чудесный мир. Мир надежд, успеха и исполнения желаний. Коля утверждал, что в Москве возможно все, и она искренне ему верила, потому что очень хотела, чтобы именно так и было.

Щурясь от солнца, Люся с нескрываемым любопытством разглядывала прохожих, монументальные здания, вывески магазинов и кафе, когда к ней подошла девушка: широкая пестрая юбка, длинные распущенные волосы, на запястьях разноцветные браслеты. В первый момент Люся испугалась, что это цыганка, но потом увидела картонную коробочку с монетами и сообразила, что это помощница музыкантов.

Торопливо сунув руку в боковой карман рюкзака, Люся вытащила горсть мелочи и кинула в протянутую коробочку.

— Подходи ближе, — расплылась в улыбке девушка.

— Не могу, брата жду. — Люся показала на вещи. — Но мне и здесь хорошо слышно. Здорово играют.

— Хочешь заказать песню? — Девушка игриво подмигнула.

— В смысле?

— Сыграют специально для тебя. Ну? У тебя есть любимая песня?

Люся пожала плечами.

— У меня много любимых. Они знают «Колдплей»?

— Пятьсот рублей.

— Это очень много, — растерялась Люся.

Взмахнув пестрой юбкой, девушка растворилась в толпе так же незаметно, как и появилась.

— Держи! — перед лицом возник нежно-зеленый шарик мороженого в вафельном стаканчике.

— А где твое мороженое? — удивилась Люся.

— Обойдусь. — Коля поморщился. — Знаешь, сколько оно здесь стоит?

— Я тебе оставлю, — пообещала она, пожалев, что отдала сдачу с проездного музыкантам. — А мне предлагали песню спеть за пятьсот рублей. Представляешь?

— Ладно, ничего! — Брат закинул рюкзак на плечо. — Пройдет немного времени — и они целыми днями будут играть только музыку из твоего плейлиста.

Люся засмеялась. Брат всегда умел обнадежить.

Идти от метро оказалось недалеко. Пять минут по прямой и направо до пересечения с проспектом, а потом через арку с кодовым замком на решетчатой калитке в небольшой закрытый дворик-колодец, образованный

из плотно примыкающих друг к другу четырехэтажных домов.

По дороге купили торт и лоточек клубники. Коля был против, считая, что им нужно экономить, но Люся настояла, потому что это не тот случай, когда можно прийти с пустыми руками.

На брусчатой площадке перед единственной подъездной дверью ребята остановились, собираясь с духом.

— Коля, как я выгляжу? — спросила Люся.

Брат критически оглядел ее с ног до головы: белые, чуть запылившиеся полукеды, короткое приталенное платье абрикосового цвета с крупными пуговицами от подола до отложного воротничка, на плечах — две ровные аккуратные косички. Ресницы Люся густо накрасила черной тушью, из-за чего сильно смахивала на ретроактрису.

— Шикарно выглядишь! — Коля не лукавил, ему сестра всегда казалась очень красивой. — А я?

— Ты тоже шикарно. Только я все-таки считаю, что нужно было надевать брюки, а не эти убитые джинсы. Они...

— Все-все. — Он поспешно набрал номер квартиры на домофоне, и громкий сигнал вызова прокатился по дворику.

Из кустов под окнами первого этажа выскочили два серых кота и шмыгнули в подвальное окошко.

— Кто там? — послышался из динамика грубый женский голос.

— Это Коля и Люся Бойко. Мы договаривались с Олегом Васильевичем.

— Ждите.

Домофон отключился. Брат с сестрой переглянулись.

Люся шумно выдохнула.

— Что-то я опять волнуюсь.

— Все в порядке, — заверил Коля, — клубнику не помни.

Люся бросила взгляд на пластиковый лоток в своей руке и только сейчас заметила, что сжимает его слишком крепко.

— Я не могу перестать думать о том, что будет, если мы ему не понравимся.

— Мы ему понравимся!

— Тебе очень идет эта стрижка! — Люся с благодарностью посмотрела на брата.

И вроде бы это был тот же самый, обычный ее Коля: самоуверенный, любопытный и простой, с лучистыми, чуть раскосыми глазами и улыбкой в пол-лица; но в то же время с этой новой, непривычно короткой прической он выглядел сильно повзрослевшим.

Металлическая дверь подъезда щелкнула, и, придерживая ее, к ним вышел невысокий сухопарый мужчина в темно-бордовой рубашке с коротким рукавом. Волосы его были гладко зачесаны набок, а возле серых глаз лучились морщинки.

— Молодые люди, добро пожаловать! Мы вас ждем.

— Олег Васильевич, здравствуйте! — подалась к нему Люся. — Я Люся, а это Коля.

— Я не Олег Васильевич, — доброжелательно отозвался мужчина, — но я провожу вас к нему. Можете называть меня Шуйский.

— Просто по фамилии? — не понял Коля.

— Не стесняйтесь, — мужчина махнул рукой, приглашая их пройти, — меня все так называют.

В подъезде ощущалась приятная прохлада и пахло влажными полами. Вестибюль оказался очень просторным. По одной квартире с левой и с правой стороны. Впереди виднелась широкая каменная лестница, рядом с ней сетчатая дверь лифта.

Они видели такие лифты только в кино. Двери кабины открывались вручную, и стоило войти, как пол со скрипом просел.

Шуйский нажал на кнопку, лифт загудел, и все вокруг затряслось.

На лестничной площадке второго этажа, куда они приехали, брат с сестрой еще раз переглянулись и следом за Шуйским шагнули в длинный, со множеством дверей коридор открывшейся перед ними квартиры.

На полу лежала мраморная плитка, а на окрашенных в белый цвет стенах висели картины.

Дошли до двустворчатых распашных дверей и очутились в комнате с роскошными винно-красными шторами на окнах, заставленной огромными книжными шкафами.

— Олег Васильевич, они пришли, — объявил Шуйский в пустоту и застыл в ожидании.

Спустя минуту в проеме между шкафами отворилась узкая дверь, и оттуда выкатился ссутулившийся старик в инвалидном кресле.

Ребята не ожидали, что Олег Васильевич окажется таким старым. На фотографиях в интернете писатель Олег Васильевич Гончар выглядел молодым и абсолютно здоровым.

— Так-так, — произнес он, издали разглядывая их, — и кто это у нас тут такой симпатичный?

— Здравствуйте, мы Коля с Люсей, — отчеканила Люся, протягивая клубнику.

— Вот, приехали, как договаривались, — по-простому добавил Коля, — очень рады знакомству.

Олег Васильевич — серебристые волосы до плеч, черные густые брови и круглый курносый нос — направил кресло в их сторону и остановился напротив.

— Гончар, — принимая клубнику, представился он. — Чай-кофе не предлагаю, скоро обед, и Козетта будет ру-

гаться, если вы перебьете себе аппетит, но мы легко можем организовать воду или ягодный морс.

— Большое спасибо, — отозвалась Люся, — вода у нас есть.

Нахмурившись, писатель склонил голову, продолжая осматривать их.

— Вы прелестные, — заключил он, сверкнув не по возрасту белозубой улыбкой, — и мне не терпится с вами поболтать, но понимаю, что с дороги требуется отдых. Шуйский покажет вашу квартиру. Но на обед явка обязательна!

— Здесь все квартиры, да и вообще весь дом принадлежат Олегу Васильевичу, и он любезно позволяет нам тут жить, — принялся охотно рассказывать Шуйский, когда миновав два длинных коридора квартиры, они вышли на узкую черную лестницу с высокими сводчатыми окнами и разбитыми каменными ступенями. С одной стороны лестницы была глухая зеленая стена, с другой — массивные деревянные двери квартир. Одна на каждом этаже.

— Правое крыло у нас мужское. — Шуйский шутиливо хмыкнул. — Так уж получилось. Не нарочно. Моя квартира на первом, прямо под квартирой Олега Васильевича. А на третьем обитает Корги — мальчишка, его помощник.

Женщины на левой стороне. Магда, старая приятельница Олега Васильевича, живет напротив меня. Над ней, на втором, квартира Козетты. Козетта у нас главная по хозяйству. Готовит, убирает и всем заправляет, так что если вдруг что понадобится: белье, полотенца, шампунь — спрашивайте у нее. За едой тоже обращайтесь к ней. Обеды и ужины у нас организованные, но в каждой квартире имеется своя кухня, можно попить чаю и позавтракать. Вы познакомьтесь со всеми за обедом. Ну вот мы и пришли. Четвертый этаж. Это ваш.

— А что на пятом? — Коля задрал голову, заглядывая в лестничный пролет.

— На пятом? — переспросил Шуйский удивленно. — На пятом ничего.

С силой дернув за ручку, он раскрыл перед ребятами дверь.

— Добро пожаловать!

В коридоре было очень светло. Светлые стены, высокие потолки, жаркое солнце заливало все, проникая через раскрытые комнатные двери. Пахло моющими средствами и чистотой. К их приезду явно готовились, однако ощущалось, что помещение долго стояло нежилым.

Кинув рюкзаки, брат с сестрой в сопровождении Шуйского медленно прошли мимо кабинета, столовой, трех спален, кухни, библиотеки и еще нескольких комнат неопределенного назначения.

Люся не могла верить глазам! Таких квартир она не видела даже в кино. Только огромные дома, но одно дело дом и совсем другое — квартира.

Как и на втором этаже, здесь повсюду висели картины, а полочки, комоды и столики украшали всевозможные шкатулки, статуэтки, ракушки и вазочки.

— Ну как вам ваша новая обитель? — любезно поинтересовался Шуйский, когда они закончили осмотр.

— Все круто! — воодушевленно заверил Коля. — Просто невероятно!

Шуйский удовлетворенно кивнул.

— В таком случае располагайтесь и почувствуйте себя как дома, а я вас оставляю. Обед в два. Пропускать нельзя. Дорогу обратно сами найдете?

— А вы нам ключи дадите? — спросила Люся.

— Обязательно, — Шуйский кивнул, — но только от центрального входа. Двери черной лестницы в жилых по-

мещениях у нас должны быть всегда открыты. Это элементарная техника безопасности на случай пожара. Дома в этом районе старые, перекрытия деревянные, проводка, бывает, шалит. Город хочет реконструкцию делать, но Олег Васильевич пока не дает.

— Это невероятно, — поразился Коля, — целый дом в самом центре Москвы принадлежит одному человеку!

Как только шаги Шуйского на лестнице стихли, Коля счастливо стиснул сестру в объятиях.

— Говорил же, что все будет круто, а ты не верила!

— Я и сейчас не верю, — ответила она и высвободилась. — Как-то это чересчур.

— Ничего не чересчур! — Брат пребывал в радостном возбуждении. — Ты уже присмотрела себе комнату?

Люся вернулась к одной из спален — самой небольшой, но благодаря угловому расположению самой светлой. Одно ее окно смотрело на проезжую часть и исторический особняк, а второе выходило в зеленый сквер.

— Я буду спать здесь, — объявила она и тут же с протяжным стоном повалилась на широкую, вкусно пахнущую свежим бельем кровать.

— Прямо сейчас?

— У нас же есть до обеда время?

Коля взглянул на часы в телефоне.

— Еще час.

— Мне хватит. — Приподнявшись, она сбросила с ног полукеды.

— В таком случае я приму душ.

Когда дверь за братом закрылась, Люся подошла босиком к окну и, немного повозившись с тяжелыми деревянными рамами, распахнула обе створки настежь.

В комнату ворвался жар улицы и легкое дуновение ветерка. Шторы затрепетали.

Стянув узкое, липнущее к потному телу платье и оставшись в лифчике и трусах, она с наслаждением раскинулась на кровати.

— Привет!

Незнакомый голос раздался так неожиданно, что она сначала села и только потом, увидев в комнате чужого парня, сообразила, что не одета.

— Тебя стучаться не учили?

В отличие от нее парень ничуть не смутился, продолжая с любопытством наблюдать, как она суетится, оборачиваясь покрывалом.

— Извини, — он протянул зажатые в пальцах ключи, — Олег Васильевич велел передать вам. Это от входной двери.

— Положи на комод.

Ей наконец удалось прикрыться.

— Я Корги, — сообщил парень.

— Корги? Как собака?

— Ну да. Прозвище.

— Потому что кусаешься? — Она все еще была на него рассержена.

— Потому что милый.

Люся усмехнулась.

Выглядел он вызывающе небрежно: тонкая и очень широкая белая футболка с неровным растянутым вырезом и красные клетчатые брюки. Действительно довольно милый: смазливый, с копной пепельно-русых волос, голубыми глазами и трагическим изгибом губ.

Корги подошел к окну и выглянул на улицу.

— Хорошая комната, но шумная. По утрам машины, а ночью народ гуляет. Я на твоём месте выбрал бы другую спальню. Ту, что ближе к лестнице. Там оба окна выходят в сквер.

— Я подумаю, — нехотя откликнулась Люся.

— Я живу под вами. — Как ни в чем не бывало Корги пристроился на подоконнике. — Помогаю Олегу Васильевичу с книгой. Он надиктовывает, а я записываю. Ему тяжело освоить комп.

— Понятно.

— А так я учусь. На дизайнера. В Вышке. Буду иллюстратором.

— Круто.

— А у тебя какие планы?

В другое время Люся обрадовалась бы подобному дружеству, но не сейчас.

— Давай потом поболтаем. У меня была бессонная ночь.

Корги понимающе кивнул, но с места не сдвинулся. Он смотрел на нее пристально, с нескрываемым интересом, отчего ей снова стало неловко.

— У тебя красивые глаза, — запросто сказал он. — И овал лица, и плечи... Можно я тебя нарисую?

— Надеюсь, не прямо сейчас?

— Нет-нет, потом, завтра... или позже, когда захочешь.

С трудом удерживая на себе широкое, путающееся в ногах покрывало, Люся дошла до двери и распахнула ее, приглашая парня выйти.

— Приятно было познакомиться.

Это заставило Корги встать с подоконника. Не вынимая рук из карманов, он неторопливо пересек комнату и остановился напротив Люси. С улицы доносился гул проезжающих машин и веселые детские голоса.

— Можешь заходить ко мне в любое время. С черного входа двери всегда открыты.

Не встречаться с ним взглядом не получалось. Светлоголубые глаза смотрели настойчиво и изучающе.

— Спасибо за приглашение.

— Увидимся за обедом.

Она торопливо прикрыла за ним дверь и, облегченно выдохнув, снова вернулась в кровать. Но уснуть не удалось, сказывалось возбуждение от новых впечатлений, а вскоре к ней в комнату ввалился Коля.

— Прикинь, горячей воды нет. Вот тебе и Москва!

Он был босиком, в трусах, тело его блестело от влаги.

Люся взглянула на телефон — до обеда оставалось пятнадцать минут.

— Пока ты там намывался, ко мне приходил странный парень и я его еле выгнала.

— Что за парень? — нахмурился Коля.

— Корги — помощник Гончара. Под нами живет.

Коля кивнул, припоминая слова Шуйского.

— Чего хотел?

— Вроде просто познакомиться, но нужно что-то придумать, чтобы мы могли закрывать дверь.

— Он тебя напугал? — Коля напрягся.

— Дело не в этом. Но мне будет намного спокойнее, если я буду знать, что, пока я сплю, к нам никто не войдет.

— Поговорю с Гончаром, — пообещал брат.

— Ах, да, — вспомнила Люся, — на комодке ключ от входной двери. Корги принес.

Коля взял ключ и зажал в кулаке.

— Пусть останется у меня. Одевайся! В первый день не стоит опаздывать.

Люся нехотя поднялась, надела платье и, пригладив перед большим зеркалом в раме несколько выбившихся волосков, критично оглядела себя.

Двойняшкам совсем необязательно быть похожими. Это не близнецы. Но Коля с Люсей получились разнополым вариантом человека с одной внешностью.

С возрастом это стало менее заметно, но в детстве их было не различить. Точеные скуластые лица от вологодской родни по материнской линии, густые каштановые во-

лосы и совсем светлые серые глаза плюс фамилия от папичных белорусов.

Брата она считала красивым, но о себе так не думала, полагая, что ее лицу не хватает женственности, ведь каждый раз глядя в зеркало, она видела в нем Колю.

Но в остальном они отлично друг друга дополняли. Где бы ни были, чем бы ни занимались, все распределялось поровну. Люся отыскивала маршруты, Коля вел по ним; Люся намазывала обои клеем, Коля приклеивал; Люся выстраивала планы на ближайшее будущее, Коля их воплощал.

Порой их роли менялись, но Люся была все же более вдумчивой и осторожной, а Коля — импульсивным и прямым. Он родился раньше сестры на семь минут и в их тандеме считался лидером, однако на деле без поддержки сестры никак не мог обойтись. И если случалось, что их мнения расходились, Коля, поступая по-своему, впоследствии нередко об этом жалел. Но не потому, что сделал нечто ошибочное, а лишь оттого, что нуждался в одобрении сестры.

ГЛАВА 2

В огромной столовой за длинным столом, застеленным бледно-зеленой скатертью, их собралось шестеро. Гончар, как и полагается хозяину, занимал место во главе стола.

Брата с сестрой усадили по его левую руку, спиной к окнам, а с другой стороны расположились Шуйский и Магда — величественная бабка с фиолетовыми волосами.

Корги, сменивший к обеду растянутую футболку и клетчатые штаны на белую тенниску и джинсы, пришел позже всех и занял свободный стул в конце стола. Крупная громогласная женщина в кружевном фартуке по име-

ни Козетта приносила еду и убирала грязные тарелки. За стол она не садилась и к обеду не присоединилась, однако, если слышала нечто для нее интересное, запросто вмешивалась в разговор.

Стол ломился от еды. Несколько овощных салатов, мотрепродукты, зелень, брынза, мясные нарезки. Определенно, это был праздничный обед, означающий, что им рады, но из-за жары есть не очень-то хотелось.

— Откуда же вы приехали? — полюбопытствовала Магда.

Она сидела напротив ребят и без стеснения разглядывала их. Лицо у нее было крупное, старческое, но не старушечье: брови тщательно нарисованы, ресницы накрашены, ярко-красная помада лежала густым слоем, а костлявые пальцы на обеих руках украшали массивные перстни с красными камнями.

— Поселок Первомайский. Это в Пензенской области, — ответил Коля.

— Двенадцать часов на поезде, — добавила Люся.

Шуйский с пониманием покачал головой.

— Далековато.

Он тоже приоделся. Бледно-голубая рубашка была туго застегнута под горло, волосы прилизаны еще сильнее, от него веяло сладковатым запахом одеколона.

— И что, родители вас спокойно отпустили в такую даль? — продолжила расспросы Магда.

Люся с Колей переглянулись.

— Мама в общине живет, — сказала Люся, — к нам не приезжает, ей не до нас.

Повисла тишина.

— А отец буддист, — добавил Коля.

— Вы тоже верующие? — заинтересовался Шуйский.

— Мы агностики, — поторопилась пояснить Люся, прежде чем брат успел объявить о своем воинствующем

атеизме, который он взрастил в себе в пику родительским верованиям. — Мы считаем, что мир непознаваем.

Коля недовольно передернул плечами, но промолчал.

— Как здорово! — обрадовался Гончар. — Это очень резонирует с моими убеждениями. Расскажите нам, пожалуйста, еще немного о себе, — попросил Олег Васильевич. — Что вы любите, чем увлекаетесь, какие у вас планы на жизнь?

— У меня первый юношеский разряд по плаванию, — похвастался Коля. — Я получил его в шестнадцать, но дальше не пошел. Спорт для меня не самоцель. Я поступаю в университет на гражданского пилота. Умею красить дома и перекрывать крыши, в прошлом году все лето так подрабатывал с нашей местной бригадой. А еще играю в покер. Хорошо играю. Отец научил.

— Чем же занимается ваш отец?

Взгляд у писателя был заинтересованный и ласковый.

— Да ничем, — с легкостью бросил Коля, и сестра тут же наступила ему на ногу. — В смысле ничем особенным.

— Сейчас у него свой образовательный канал на «Ютубе», — сказала Люся.

— Где канал? — не понял Шуйский.

— Это в интернете, — охотно пояснил Коля. — Считайте, как передача по телевизору.

— А... — Сделав вид, что объяснение его удовлетворило, Шуйский уставился в тарелку.

— Почему же ты решил стать пилотом? — продолжил допрос Гончар.

— Не знаю, просто захотелось.

— Так не бывает. У всего всегда должна быть причина, — поучительно произнес писатель. — Ты увидел прекрасный самолет, летящий в лазурном небе? Прокатился на аттракционах — и тебя захватило чувство полета? Тебе рассказал кто-то из знакомых о том, что это круто?

— Нет, ну что вы? Все намного проще. — Коля не переставал улыбаться. — Когда я был маленький, то верил, что внутри облаков стоят прекрасные воздушные замки. Как в той сказке про Джека и волшебные бобы.

— Ну а ты чем увлекаешься? Что любишь? — Олег Васильевич резко переключился на Люсю. — Тоже плаваешь и играешь в покер?

— Я люблю рисовать. Люблю книги, кино, музыку, животных и вообще всю природу.

— Надо же! — обрадованно воскликнул писатель. — В таком случае вы, несомненно, подружитесь с моим Корги.

Люся осторожно посмотрела на парня и, встретившись с его открытым взглядом, смущенно улыбнулась.

— Я много чего люблю. Люблю танцевать, смотреть на звезды и спать, — добавила Люся.

— Спать? — переспросил Корги с сомнением. — Как можно любить спать? Когда ты спишь, тебя нет.

— Да, но если я хорошо сплю, то чувствую потом себя замечательно. А если не высыпаюсь, злюсь на все подряд. А еще сны! Мне часто снятся волшебные сны. Я их запоминаю и иногда могу вызвать сон с продолжением.

— Ты тоже собираешься учиться в Москве? — перебила ее Магда.

— Да, на юридическом. Хочу стать адвокатом.

— Почему же ты не поддержала брата? — Гончар вопросительно склонил голову. — Могла бы стать стюардессой, и вы летали бы вместе.

— Мы думали об этом, — призналась Люся, — но я боюсь высоты, да и учиться платно двоим слишком дорого. Я подала документы туда, куда смогу пройти на бюджет.

— Значит, у тебя нет своей мечты? — Корги хитро прищурился.

— Такой, как у брата, нет.

— А какие книги? Кино? Театральные постановки вы любите? — снова вклинился Шуйский. — У вас есть предпочтения в жанрах или темах?

— Я люблю кино, — поторопился ответить Коля. — Почти каждый день смотрю что-нибудь. Люблю Тарантино и особенно его «Бешеных псов», хотя некоторые считают, что этот фильм уже устарел. Но Тим Рот там очень здорово сыграл. А еще мне нравится «Талантливый мистер Рипли», и «На ярком солнце» тоже, но Ален Делон слишком аристократичен для Рипли. Сам по себе он отличный актер, но там он будто не совсем на своем месте.

— Ален Делон идеален, — категорично высказалась составляющая грязные тарелки на сервировочный столик Козетта. — Это самый прекрасный мужчина всех времен и народов. Ну, после Олега Васильевича, конечно.

Гончар громко расхохотался.

— Козетта вечно надо мной подшучивает.

— Какие уж тут шутки? — добродушно откликнулась та. — Вы же знаете, как я вами восхищаюсь.

— Ален Делон, — зло фыркнула Магда, — апофеоз зла!

На ее замечание никто не обратил внимания.

— А тебе нравится Том Рипли? — неожиданно спросил Люсю Корги. — Не Ален Делон и не Мэтт Дэймон, а сам персонаж?

— Трудно сказать. — Она задумалась. — Скорее, мне его жалко. У него огромное количество талантов, но он не может принять себя таким, какой есть, и поэтому хочет стать другим человеком.

— И тебя не смущают его поступки?

— Да не особо, — ответил за сестру Коля. — Если бы не они, то и фильма не было бы. Интересно же само кино и его сюжет, а не оценка поступков несуществующих людей.

— Значит, ты считаешь, что произведение ведет исключительно сюжет, а не вовлеченные в него персонажи?

— Я в этом не разбираюсь, — сухо ответил Коля. — Если мне что-то нравится, я не стремлюсь отыскать причины и разобрать на составляющие, и наоборот: если не нравится, то просто не нравится.

— Это называется анализом. Разве вас в школе этому не учили?

Гончар строго посмотрел на Корги и погрозил ему вилкой.

— А как вы относитесь к Брамсу? — поспешил вмешаться Шуйский.

Люся пожала плечами.

— К сожалению, мы не увлекаемся классической музыкой.

— Все-все. — Олег Васильевич замахал руками. — Дадим ребятам поесть. Больше никаких вопросов. А то они испугаются и сбегут от меня.

И все тут же, как по мановению волшебной палочки, переключились на собственные разговоры.

Обсуждали жару, грохочущие машины, разгружающиеся рано утром у соседнего дома, депрессивность последней книги Уэльбека, зерновой хлеб из новой пекарни на углу, «Мастера и Маргариту» в постановке Виктюка и пребывание Демиса Руссоса в захваченном ливанскими террористами самолете.

Люся осторожно разглядывала писателя. Немного суетливый и разговорчивый, однако слушать умел и, когда кто-то говорил, мог запросто замереть с открытым ртом. Курносый нос придавал ему добродушный вид, а темные любопытные глаза следили за всем внимательно и цепко.

Люсе он показался приятным, легким в общении человеком, и она порадовалась, что им с ним повезло.

Козетта заходила несколько раз: заменила грязные тарелки чистыми, принесла блюдо с курицей и картошкой, постояла, уперев руки в бока и слушая, как Шуйский рассуждает об эффективности иммуномодуляторов, громкогласно высказалась, что все это чушь, но к столу так и не присела.

И уже в самом конце обеда, когда Магда, пожаловавшись на давление, ушла, а Корги втихую под столом переписывался в телефоне, Олег Васильевич попросил их с братом уделить ему немного времени.

Они проследовали за бесшумно катящимся креслом в комнату, где писатель встретил их в первый раз. На угловой этажерке возле окна стояла большая ваза с бордовыми пионами, и все вокруг утопало в их аромате.

Гончар подъехал к двери между шкафами и, раскрыв ее, пропустил ребят вперед.

Здесь было темно, но не мрачно, яркие солнечные лучи, проникая сквозь неплотно задернутые шторы, рассекали комнату на несколько частей.

В глубине стоял массивный письменный стол, заваленный книгами и бумагами, а вдоль стен, словно в музее, расположились невысокие комоды, уставленные необычными, похожими на антиквариат вещицами вроде печатной машинки и больших песочных часов.

— Знаете, что это? — Остановившись напротив одного из комодов, Олег Васильевич кивнул на вертушку с иглой.

— Патефон? — предположил Коля.

— Ну почти. Это проигрыватель. Условно говоря, усовершенствованный патефон.

— Можно посмотреть? — Коля кивнул на пластинку.

Гончар аккуратно достал из розового бумажного конверта с изображением микрофона виниловый диск и зажал его между раскрытыми ладонями.

— Держать нужно вот так, ведь если пальцы попадут на дорожки, останется жирное пятно — и игла будет спотыкаться.

Коля осторожно взял у него из рук пластинку и надел на металлический штырек вертушки.

— Раритет, — с чувством сказал он.

Гончар довольно рассмеялся.

— У меня этого раритета полон дом.

Мелодичная легкая песенка на английском языке годов шестидесятых или около того наполнила комнату.

— Don't take this heaven from one. If you must cling to someone, — подпел Олег Васильевич высоким голосом. — Now and forever. Let it be me... Любимая песня моей сестры Оленьки. Кто ее только не исполнял! И Эверли Браверз, и Нэнси Синатра, и Шер с мужем, и Том Джонс, и Боб Дилан, и Хулио Иглесиас, и даже сам Пресли, Демис Руссос. Но на самом деле песня французская. Я пишу под нее новую книгу. И собираюсь так и озаглавить ее, потому что эта книга, как и песня, о верности сделанного выбора.

Заметив, что Люся разглядывает на стене одну из картин, Гончар поспешил к ней.

— Эта картина называется «Ежевичные сны». Мне ее подарила одна коллекционерша. Сказала, что она принесет мне вдохновение и бессмертие. Ты когда-нибудь задумывалась о том, что бессмертие возможно?

Люся пожала плечами, не понимая, при чем тут сны. На картине был лишь однотонный прямоугольник цвета ягодного мороженого.

— Вроде нет.

— Ну понятно. — Он весело махнул рукой. — В ваши годы о таком не думают. Но согласись, мы же действительно слишком привязываемся к своей физической сути и совершенно забываем про содержание. А оно, хоть и под-

вержено временным изменениям, разрушается совершенно иными способами.

И тут же, покосившись на Колю, писатель неожиданно громко расхохотался.

— Не пугайтесь! Вам не придется со мной скучать. Я только с виду старый, нудный и дурной, но со мной может быть интересно.

— Я и не думал пугаться, — встрепенулся Коля. — У вас удивительный дом.

— Садитесь. — Олег Васильевич указал на софу с изогнутой спинкой под окном. — Давайте перейдем к делу. Знаете, почему я позвал вас сюда?

— Вы пишете книгу, — ответила Люся, опускаясь на софу рядом с братом.

— Верно. Я написал около двух десятков книг, но самую главную все время откладывал на потом. Больше откладывать некуда.

— Вы больны? — вежливо поинтересовалась Люся.

— Милая, мне семьдесят шесть. — Гончар подъехал и нежно взял девушку за руку сухими ладонями. — Никто к этому возрасту не остается здоровым. Без помощи Корги я уже и писать не смогу. Древние люди, провожая на закате солнце, никогда не знали, взойдет ли оно снова. Вот так и я, каждый вечер ложась в постель, понятия не имею, открою ли завтра глаза.

Его курносое лицо сделалось печальным.

— У меня тоже была сестра-двойняшка. И мы были с ней очень близки. Очень. Уж вы-то должны понимать, как это. Чувствовали друг друга на расстоянии и читали мысли. Даже когда ей у стоматолога вырывали зуб, я ощущал эту боль. Когда она веселилась, я тоже испытывал радость, а когда мечтала, без слов понимал о чем. И она знала все про меня. Между вами есть нечто подобное?

— Постоянно, — заверил его Коля.

— Моей сестры нет в живых уже больше сорока лет, многое давно притупилось и стало призрачным, но за всю жизнь я так и не встретил никого лучше ее. И теперь хочу посвятить ей книгу. Вы же поможете мне?

— Постараемся, — заверила Люся, — только объясните, что нужно делать.

— Ничего сложного. — Улыбка писателя сделалась шире. — Всего лишь разговаривать со мной. Делиться вашими историями и мыслями. Я хочу восстановить, воссоздать с максимальной точностью эту удивительную, уникальную связь между единорожденными братом и сестрой, ведь это самый прочный союз, который только можно представить. Знаете, почему взаимоотношения разнополых двойняшек намного крепче? Однополые, несмотря на единство, всегда борются друг с другом за самоидентификацию. А разнополым этого не требуется — они уже различны в своем единстве.

Пока Гончар это говорил, он рассеянно смотрел куда-то перед собой, но потом снова оживился:

— Ну вот, я вас уже загрузил. Обещаю не злоупотреблять этим. Сделаем график. Каждый день я буду беседовать только с одним из вас. Утром. С десяти до двенадцати, потому что во второй половине дня я становлюсь рассеянным и поверхностным. Мой мозг очень быстро утомляется, и к вечеру от меня уже нет никакого толку.

— Да, конечно, — поддержала его Люся, — это отличный график.

— Но за оплату не переживайте, — спохватился он, — каждый получит свою долю в полном объеме, как и договаривались, независимо от количества проведенных в этом кабинете часов. Надеюсь, вас это устраивает?

— Более чем! — бодро отозвался Коля; он был в полном восторге от того, как все замечательно складывается. — Начнем завтра? Можно я первый?

— А как же «Дамы вперед»? — Олег Васильевич весело подмигнул Люсе.

— Пусть идет первый, — рассмеялась она, — разведает обстановку, и я буду знать, к чему готовиться.

Писатель откинулся на спинку кресла, и его седые волосы, попав в полосу солнечного света, засияли серебром.

— Только у меня есть одно условие — небольшое, но важное. Наши с вами беседы вы не должны пересказывать друг другу. Мне необходимо услышать каждого из вас в отдельности. Понять и сопоставить то, как вы воспринимаете события самостоятельно. Насколько ваши впечатления схожи и чем различаются. Договорились?

Брат с сестрой переглянулись.

— Хорошо, — сказал Коля, — так даже интереснее.

— В какой-то момент вам, возможно, станет сложно соблюдать такое правило, но без этого у нас ничего не получится. Если кто-то из вас его нарушит, вам обоим придется уйти.

— Мы умеем хранить секреты. — Люся весело подмигнула брату.

— Еще как умеем, — подтвердил тот.

— Даже друг от друга? — Гончар испытующе смотрел, склонив голову набок.

— Если этого требуют условия игры, то запросто. — С показной решимостью Коля широко расправил плечи.

— Вот и отлично! — Писатель весело шлепнул себя по коленям. — В таком случае сегодня отдохайте и обустройтесь, а если кто-то из домочадцев станет вам слишком докучать, не стесняйтесь жаловаться. У меня имеются способы их приструнить. Но мы тут все немного чудачки, застрявшие в своих порядках, поэтому рассчитываю на вашу снисходительность.

— Что скажешь? — Содрав на ходу рубашку, Коля устало развалился в кресле теперь уже их гостиной. — Как по мне, здесь даже лучше, чем я ожидал.

— Писатель вроде хороший, — согласилась Люся, устраиваясь на диване с ногами, — и остальные тоже: странные, но забавные.

— Бабка не забавная. Она на меня так страшно зыркала.

Люся засмеялась.

— Магда совершенно обычная пожилая женщина, не волнуйся.

— Ты ее кольца видела? А взгляд?

— Коль, давай ты только здесь не будешь демонстрировать свои фобии?

— Думаешь, я нарочно?

— Я думаю, что все наши личные капризы, фобии и комплексы стоит отложить до лучших времен. О такой жизни мы могли только мечтать. — Резко выпрямившись, Люся очень серьезно произнесла: — Я клянусь, что не буду ни на что жаловаться и стану соблюдать все-все правила этого дома, лишь бы Олег Васильевич оставил нас здесь подольше!

— Питание суперское. — Коля шутливо похлопал себя по голому животу. — А что скажешь про его книгу и эти разговоры «о нас»? Ты действительно сможешь держать все в секрете?

— Конечно. Мы же пообещали.

— Да ладно... — Он недоверчиво покосился на сестру. — Все же понимают, что это условность.

— Ничего не условность. — Легкомыслие брата ее поразило. — Хочешь, чтобы нас выгнали?

— Нет, конечно. — Он рассмеялся. — Это я тебя проверял. Хотя... Как он узнает, если вдруг что-то такое произойдет?

— Не узнает, но меня замучает совесть.

— Меня совесть не волнует, но что из этого выйдет — любопытно.

В Колином кармане пиликнул телефон, и он отвлекся, чтобы ответить на сообщение, а Люся вскочила и в очередной раз побежала осматривать квартиру, не в силах поверить, что все это, пусть и на короткий срок, но принадлежит им двоим.

ГЛАВА 3

Дневной свет в распахнутых окнах медленно угасал, постепенно сменяясь ясной пеленой июльской ночи.

Коля, определившись со спальней и закончив разбор вещей, заснул еще до десяти, едва коснувшись головой подушки.

Люся тоже легла. Но сон, несмотря на усталость, не шел. День выдался чересчур насыщенный, и впечатления теснились в голове, не давая сознанию успокоиться.

Еще месяц назад она и вообразить не могла, что будет жить в квартире с таким огромным количеством комнат, в историческом центре Москвы, да еще и бесплатно.

Месяц назад она думала только о том, где бы взять деньги и как успокоить брата.

О том, чтобы стать гражданским пилотом, Коля мечтал с двенадцати лет и примерно тогда же твердо решил, что после окончания школы поедет в Москву — поступать в институт гражданской авиации. Однако их бабушка по этому поводу иллюзий не питала и была уверена, что этого института Коле не видать как своих ушей.

«В Москве все по благу, поэтому ты никогда не поступишь на бюджет, — вдалбливала она ему. — А чтобы поступить на платное, нужны безумные деньги!»

И тогда Коля принялся копить. Сначала он экономил на всем, чем мог, стоило хоть сколько-нибудь незначительной сумме оказаться у него в руках; собирал мелочь возле железнодорожных касс, а немного повзрослев, начал подрабатывать: то снег на автостоянках расчищал, то объявления расклеивал, то машины у продуктовых лавок разгружал, а последние два лета подвизался помогать знакомым отца перекрывать крыши на дачах. Люся тоже принимала участие в Колиных накоплениях, ей казалось очень важным найти деньги на Колину учебу, потому что у нее такой глобальной мечты не было, и когда они заканчивали школу, то решили, что она подаст документы в любой вуз, куда при неплохих баллах ЕГЭ ее могут взять на бюджет.

К концу одиннадцатого класса у них набралась значительная сумма, с которой после окончания школы они собирались отправиться вместе в Москву. Ее хватило бы на оплату одного или даже двух лет Колиной учебы в институте и на съем квартиры на двоих. Коля сразу сказал, что ни о каких общежитиях речи не идет и что они будут жить вместе, потому что всегда было так. Он готовился серьезно и все продумал.

Деньги эти хранились в их с Люсей комнате за стенкой возле Колиной кровати. После смерти бабушки Люся собиралась перебраться в ее комнату, но никак не могла решиться — ей казалось, бабушкин дух все еще витает там.

И вот как-то раз в мае, перед последним звонком, Коля вернулся домой из школы и обнаружил, что денег в тайнике нет.

Долгих выяснений не потребовалось. Отец сразу сознался в содеянном, объяснив, что у него накопились долги, которые пришлось срочно отдавать.

Отец не ужасный человеком, но он увлекающийся и слабый. Люся прощала ему это, а Коля не мог.

Всю следующую неделю, убиваясь по потерянным деньгам, брат кидался на отца, что вполне понятно. Люся тоже очень переживала, но кому-то из двоих требовалось сохранять спокойствие. Она утешала Колю и пыталась если не простить отца, то хотя бы относиться к нему без ненависти.

Спустя пару недель отец обратился именно к ней, а не к сыну.

— Можно с тобой поговорить? Спокойно, без нервов? — Он прошел к ней в комнату и остановился на пороге. — Не обижайтесь на меня, ладно? Я отдам эти деньги, клянусь.

— Может, ты и отдашь — когда-нибудь потом, но нам нужно сейчас. Ты поступил ужасно, и я пойму Колю, если он тебя не простит. Как можно потратить столько денег? Ты играл?

Отец пристыженно опустил голову. Большой, высокий, с зачесанными назад светло-русыми волосами, бородой, принимая виноватый вид, он уменьшался раза в два.

— Все будет хорошо. Честно. Я обещаю! — Быстрым шагом отец пересек комнату, опустился на край кровати и взял Люсю за руку. — Котенок, я же все делаю ради вас. Как ты не понимаешь? Все-все. Всегда...

Люся испытывала смешанные чувства. С одной стороны, она, конечно же, любила его. Отец играл с ними в детстве, рассказывал небылицы, ни к чему не цеплялся, не читал морали и не занудствовал. Но как родитель был совершенно безответствен и равнодушен: никогда не знал, где они и что с ними происходит, не интересовался ни учебной, ни спортивными успехами Коли, ни Люсиными рисунками, ни чем-либо еще, не касающимся его самого.

— Ты ничего для нас не делаешь, — сухо сказала Люся.

— Я хочу загладить свою вину.

— Собираешься вернуть деньги?

— Обязательно! Но не прямо сейчас.

— Все ясно! — Она отодвинулась. — Тогда нам не о чем с тобой разговаривать.

— Подожди! Просто послушай. У меня есть для вас интересное предложение. Это отличная возможность немного заработать и отправиться в Москву. Вы же хотели в Москву?

— Сколько заработать? — Вопрос поиска денег стоял особенно остро, и Люсю намного больше волновала сумма, нежели то, что понадобится делать для того, чтобы ее получить.

— Не то чтобы очень много, но это деньги и это Москва. Притом бесплатное проживание и содержание — шикарные условия. Поедете, осмотритесь, появится возможность позже найти работу. — Отец, который в жизни не проработал ни одного дня, говорил это с такой уверенностью, что Люсе стало любопытно.

— Ладно. И что же от нас потребуется?

— В общем, история такая. — Отец оживился. — У меня есть одна приятельница — Саша. Она соработница в негосударственной компании, курирующей в основном людей богатых и выдающихся. Бизнесменов, спортсменов, деятелей искусства, публичных персон и всяких других. Так вот, у нее на попечении один известный писатель — Олег Гончар. Слышала про такого?

Люся помотала головой.

— Когда-то его все знали. Но суть не в том. Сейчас он пишет книгу. Угадай, о чем она? О разнополых двойняхках. Понимаешь, да? Ну и вот, когда Саша вскользь упомянула, что она тоже знает таких, не лично, конечно, но я много ей о вас рассказывал, Гончар очень заинтересовался и захотел с вами познакомиться. Саша сказала, что вы живете далеко, а он ответил, что готов пригласить вас к себе и даже выплачивать гонорар как консультан-

там. Представляешь? — Отец с восторгом посмотрел на Люсю.

— Ерунда какая-то. — Люся поморщилась. — Мало ли кто чего болтает.

— А вот и не ерунда! Я потом лично связался с ним — позвонил и поговорил. И это не болтовня, — торопливо заговорил отец, словно опасаясь, что дочь его выгонит. — Гончар на самом деле готов поселить вас у себя и платить по пятьдесят тысяч каждому. Пятьдесят тысяч! Это же настоящая зарплата. Саша говорит, что у него квартира в центре Москвы и он страшно богат.

— И за что же он собирается нам платить?

— Просто за разговоры. О таком можно только мечтать! Я, как услышал, сразу понял, что разобьюсь, но устрою вам это. Думаешь, я не понимаю, как виноват?

— Все, давай не будем.

У Люси имелись все основания ему не верить. Отец был еще тот аферист: плут и игрок.

— Просто расскажи об этом брату. Со мной он разговаривать не станет, а тебя хотя бы выслушает. Скажи, я хочу реабилитироваться. Только подумай: если вы отправитесь в Москву сразу после экзаменов, то у вас до сентября будет два месяца. Этих денег должно хватить на учебу, хотя бы на первое время, а потом я еще что-нибудь придумаю.

Он еще долго увещевал ее, соблазняя преимуществами Москвы, о которых Люся и без него знала. И ему удалось все же зародить в ней интерес.

Но только когда Коля сам созвонился с Гончаром и убедился, что все это чистая правда, они принялись обсуждать поездку в Москву.

Дверь в спальню Люся оставила открытой. Она никогда прежде не спала так далеко от брата и потому чувствовала себя несколько неуютно. Дома они жили в одной комнате,

разделенной фанерной перегородкой, что позволяло беспрепятственно болтать, лежа в кровати. А теперь, прислушиваясь к тишине огромной квартиры, нарушаемой звуками ночного города, она не могла даже различить его привычного похрапывания.

Внезапно из глубины коридора до ее слуха донесся глухой стук и щелчок замка. В комнату ворвался сквозняк, занавески взметнулись, и Люся подскочила на кровати.

Где-то открылась дверь.

Прошлепав босиком до коридора, она осторожно выглянула. Со стороны черной лестницы к ней двигалась светлая фигура.

— Не бойся, это я, — громко сказал Корги. — Вы чего без света? Спите уже? А я вот карты взял и фишки. Думал, в покер поиграем.

— Какой покер? — прошептала Люся, опасаясь разбудить брата. — Поздно уже.

— Еще двенадцати нет.

Корги подошел и остановился напротив нее. В руках у него была круглая металлическая коробка с набором для покера и бутылка шампанского.

— Когда я узнал, что вы приедете, очень обрадовался. Знаешь, какая скукота сидеть тут с этими стариками!

В темноте его лицо, оттеняемое белой футболкой, казалось призрачным.

— Коля спит. — Люся не хотела показаться невежливой, но столь бесцеремонное вторжение ей не нравилось.

— Но ты-то не спишь. — Парень помахал бутылкой. — Давай просто посидим поболтаем хотя бы полчаса. А то я в такую жару почти не сплю, если только в саду.

— Здесь есть сад? — удивилась Люся.

— Не совсем сад, но я его так называю. Там гораздо прохладнее и можно спать прямо на лавочке. Хочешь, покажу?

— Нет, спасибо. На лавочке я могла бы и в Первомайском спать.

— Значит, мне уйти? — Голос его прозвучал так печально, что Люся почувствовала себя злодейкой. В конце концов, она же еще не спала и даже не хотела.

— Ладно, полчаса, не больше.

— Ура! — Обойдя ее, Корги прошел в гостиную и зажег свет.

Люся осторожно прикрыла дверь в комнату брата и сходила к себе, чтобы накинуть халат, а когда вернулась, Корги уже разливал шампанское по высоким хрустальным бокалам.

— Ты извини, что я так на тебя плююсь, — безо всякого стеснения заявил он. — Я никогда не встречал разнополых близнецов. Просто удивительно, как вы похожи. И в то же время нельзя сказать, что твой брат напоминает девушку, а ты парня. Вы для меня — чудо природы. Я обязательно должен тебя нарисовать.

Передав ей бокал, он присел на край дивана.

— Брата твоего тоже нарисую, но сначала тебя. Ты же не против?

На золотистой поверхности шампанского шумно лопались крохотные пузырьки.

Люся заняла кресло, где до этого сидел ее брат.

— Рисуй, конечно.

— А давай ты меня тоже нарисуешь, — весело рассмеявшись, предложил Корги и убрал рассыпающиеся волосы назад. — Меня еще никто не рисовал.

— Ну ты что. — Люся развеселилась. — Я же просто рисую — для себя.

— Так и я рисую для себя. Все для себя рисуют.

Люся поймала себя на том, что постоянно смотрит на его тонкие, но очень подвижные губы, которые то растягивались в широкую белозубую улыбку, то печально

изгибались, то насмешливо кривились в саркастической усмешке.

— Ты рисуешь профессионально, а я никому, кроме брата, свои работы не показываю.

— Зря, — произнес он назидательно, — так ты никогда ничему не научишься.

— А я и не собираюсь учиться, это так, хобби. Когда я рисую, мне становится легче на душе и голова проясняется. Понимаешь? Я не стараюсь, чтобы получилось красиво, а только освобождаюсь от чего-то, что копится внутри.

— В этом и есть суть творчества — высвободить его из себя любыми доступными способами.

— Почему тебя зовут Корги? Только честно.

— Потому что моя мама разводила этих псов, и я постоянно пристраивал всем друзьям и знакомым щенков. Вот и прилипло. Смотри, что у меня есть. — Он выудил из-под футболки серебряную цепочку с кулоном.

Люся присела рядом с ним на диван, и Корги чуть наклонился вперед, чтобы она могла рассмотреть кулон — маленькую коротконогую собачку с большими ушами.

— Это мой талисман. Мама подарила. Она теперь тоже зовет меня Корги.

От него приятно пахло восточными благовониями.

— А как по-настоящему тебя зовут?

— Кажется, Сева или Сеня, а может, и Степа. Не помню точно, но что-то дурацкое.

Люся выпустила кулон, и парень откинулся на спинку дивана.

— А знаешь, почему нас так называли? — Люся хитро посмотрела на него. — Никогда не догадаешься.

— Наверное, в честь Николая и Людмилы.

— Каких еще Николая и Людмилы?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Каких-нибудь.

— Нет. Даже близко не попал. Коля — это от конопли. А Люся — от ЛСД.

Она с интересом следила за его реакцией. История происхождения их имен обычно имела огромный успех. Этот раз не стал исключением. Голубые глаза Корги округлились, а рот приоткрылся от удивления.

— Наши родители когда-то давно продавали наркотики. И называли нас просто по приколу.

— *Lucy In The Sky With Diamonds*, — пропел Корги. — Знаешь такую песню?

— Еще бы! Это почти мой гимн. — Она отпила еще немного шампанского. — Ты просто представить не можешь, сколько на нее существует каверов.

— Стесняюсь спросить, а что родители? Завязали с этим?

— Они не употребляли, продавали только. Долгая история, — нехотя отозвалась Люся, — и неинтересная. Но после нашего рождения больше этим не занимались.

— Ну понятно. — Губы Корги иронично изогнулись, и он поднял бокал, словно собираясь сказать тост. — Каждый сходит с ума по-своему. Кто-то разводит собак, а кто-то продает наркотики.

Подняв голову, она поймала его взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Не сделав и глотка, Корги поставил бокал на столик. Руки у него были крепкие, а ладони большие. Он явно уступал Коле и в росте, и в ширине плеч, но сила в нем ощущалась.

— А почему вашу Козетту так зовут? — торопясь избавиться от неловкости, спросила Люся. — Это же героиня Гюго, маленькая девочка. Почему здесь у всех такие странные имена?

— На самом деле она Татьяна Тимофеевна Козина. А прозвище придумали ее ученики. В прошлом она пре-

подавала. Только это секрет. Здесь никто не любит, когда о них рассказывают не так, как они сами себя представляют.

— Этого нигде не любят. А Магда — это тоже прозвище?

— У тебя очень красивые глаза, — вместо ответа сказал Корги, вскакивая с дивана. — Давай я нарисую тебя прямо сейчас. Идем ко мне!

Он протянул ей руку.

Опомнившись, Люся встала, не приняв его помощь.

— Полчаса прошло. Я иду спать.

— Ты чего? — Корги встревожился. — Извини. Это обычный порыв вдохновения. У меня иногда так бывает, ни с того ни с сего. Вдруг как в один момент накатит — и нужно срочно бежать, чтобы что-то с этим сделать.

— Беги, конечно. — Люся взяла со стола коробку с принадлежностями для покера и отдала ему. — Завтра поиграем. И шампанское забирай. Там полбутылки.

— Эй. — Он вдруг посерьезнел. — За кого ты меня принимаешь? К тому же я его терпеть не могу.

— А зачем тогда принес?

— Вам. Подумал, захотите отметить новоселье.

— Если честно... — Люся посмотрела на столик, где остались два почти нетронутых бокала. — Я его тоже терпеть не могу.

Они рассмеялись, и внезапно создавшееся напряжение рассеялось.

Проводив Корги до лестницы, Люся задержалась возле двери.

— Скажи, а можно как-то получить этот ключ? Мне не нравится, что кто угодно может заявиться сюда посреди ночи.

— Что значит кто угодно? Только я, Шуйский и Козетта. Олег Васильевич и Магда пользуются лифтом и с этой

стороны к вам не попадут. Я вообще не помню, чтобы они поднимались выше второго этажа.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Слушай, моя квартира тоже всегда открыта. И за все время, сколько я здесь живу, меня до сих пор никто не украл.

— Спокойной ночи! — Люся захлопнула дверь с твердым намерением озадачить завтра Колю решением этого вопроса.

Ей снилось, как она пробирается через толпу, окружающую уличных музыкантов на площади возле метро. На пути то и дело возникают какие-то люди и мешают ей пройти, но звучит «Вива ла вида», и Люся знает, что эта песня предназначена ей. А когда ей наконец удается выбраться, она с удивлением обнаруживает, что на месте уличных музыкантов стоит Корги с патефоном Олега Васильевича и говорит ей: «Это всего лишь обычный порыв вдохновения».

ГЛАВА 4

Их отец с матерью познакомились на рок-фестивале под открытым небом, когда обоим было по двадцать. И через два дня, еще до окончания фестиваля, поженились. Неофициально, конечно, потому что для этого нужно было подавать документы в загс, ждать месяц и как минимум протрезветь, но их обвенчал семинарист-недоучка, борода и ряса которого стали вполне убедительным доказательством того, что этот брак заключается на небесах.

В то же лето они вместе с друзьями укатили на Казань и прожили там дикарями до сентября. А потом, в на-

дежде продлить каникулы, поехали к отцу в Узбекистан, но его семья не очень-то обрадовалась маме — с учетом того, что официально их брак оформлен не был, да и делать, как оказалось, в этой глухомани нечего. Никаких ту-совок и развлечений. Работать мать с отцом не собирались, об учебе речь и не шла. Зато с наркотиками там было даже проще, чем на Казантипе. И за ту пару недель, что они были в Узбекистане, отец успел организовать маленький наркоторговый бизнес, пообещав своим школьным друзьям наладить рынок сбыта в обеих российских столицах. Благо за лето он успел обрасти огромным количеством знакомых из Москвы и Питера, которые за коробок хорошей шмали могли отвалить кучу денег. Отец с мамой перебрались в Питер, сначала жили в каком-то божемном притоне, а как только бизнес стал налаживаться, расписались и сняли комнату в коммуналке. Лет пять так жили, ничего не делая, развлекаясь и предаваясь духовному познанию мира.

Потом их лавочку накрыли. Кого-то арестовали, кого-то посадили, отцу чудом удалось сбежать, и около месяца он жил где придется. А когда вернулся, решили переехать в Пензенскую область к бабушке, и, чтобы та согласилась принять семейку бездельников, маме срочно пришлось забеременеть.

На самом деле мама всегда была со странностями. Одно то, что она надумала рожать дома в ванной, несколько лет обсуждала вся округа, не говоря уже о торжественном захоронении плаценты под столетней сосной.

Прожив с нами чуть больше пяти лет, мама свинтила, отправившись волонтером в добровольческую организацию, но через полгода вернулась и сразу уехала на реставрацию церкви; после, увлекшись религией, немного пожила в монастыре, затем перебралась в поселение родноверов, а последние года три жила в какой-то коммуне и даже на похороны бабушки не приехала — сказала больно́й.

Коля с Люсей ее толком не знали и привязанности к ней не чувствовали, впрочем, как и негатива. Ее в их жизни просто не было — чужой человек.

С отцом же все обстояло иначе. Он никуда не сбегал, а очень даже неплохо обосновался на бабушкиной шее. Пить он не пил, с наркотиками завязал, скандалы не устраивал, охотно сидел с детьми и во всем слушался бабушку. Соседи в нем души не чаяли. Он отличался обаянием и умением ладить с людьми. И все ничего, вот только работать он не хотел, но зато регулярно играл: то в карты, то на автоматах, а как освоил онлайн-казино, так и вовсе из дома перестал вылезать. Деньги на свои игры он где-то находил: или отыгрывался, или проворачивал мелкие сделки из серии толкнуть на «Авито» «раритетный» хлам советской эпохи, собираемый практически задарма у дачников из близлежащих поселков.

А потом отец вдруг открыл в себе дар целителя человеческих душ и завел свой ютуб-канал. Нахватавшись по верхам религиозно-философских очевидностей, он с глубокомысленным видом рассказывал людям, как справляться с жизненными трудностями, преодолевать черные полосы, эффективно формулировать послания Вселенной и зарабатывать много денег.

Когда канал начал приносить доход, отец и вовсе перестал выходить из дхьяны к делам мирским и полагал, что любое сопротивление жизненному потоку чревато бесполезной, а иногда и опасной тратой энергии. Все должно идти так, как идет. К этому Коля с Люсей привыкли. Недеяние в действии и действие в недеянии. Папа был далек от них, как Гаутама Будда от крепостных крестьян Российской империи.

Шторы в кабинете Гончара были раздвинуты, и его заливал утренний свет. Окна выходили в сквер, и густо разросшаяся зелень мягко рассеивала лучи еще не успевшего

раскалиться солнца. В воздухе еще витали остатки ночной свежести, и дышалось легко.

Олег Васильевич сидел за письменным столом.

Коля бодро постучал в раскрытую дверь и вошел.

— Доброе утро. Можно?

— Конечно! Прошу! — жизнерадостно воскликнул Гончар, делая широкий жест. — Присаживайся. Мне уже не терпится начать! Я заготовил для тебя тысячу вопросов. Но не пугайся, мы будем двигаться постепенно.

Коля прошел и сел на приготовленный для него мягкий стул с подлокотниками.

— Так тебе удобно? Сначала хотели поставить кресло, но решили, что энергетика стула для наших задач лучше подходит. Энергетика стула, — повторил Гончар, — интересный образ. Что-то в нем есть, правда?

— Спасибо. Стул подходит, — Коля откинулся на спинку.

— Ты же не против, если я буду записывать нашу беседу? — Писатель показал Коле небольшой черный диктофон. — Чтобы не отвлекаться. Потом обработаю материал. Обработаю материал, — снова повторил он задумчиво. — Канцелярские обороты засоряют нашу речь почище слов-паразитов.

— Записывайте. Мне без разницы.

— Итак... — Олег Васильевич широко развел руками, словно охватывая поверхность всего стола, на которой перед ним лежал диктофон, пухлый блокнот, золотистая ручка и очки с прямоугольными стеклами. — Приступим?

Как перед ответственным экзаменом, Коля расправил плечи и сделал глубокий вдох.

— Я готов.

— Давай поступим так: я буду задавать тебе вопрос, но ты можешь рассказывать о чем захочешь. Просто о себе и сестре. О ваших взаимоотношениях, похождениях, пе-

реживаниях, радостях и ссорах. Мне все-все про вас интересно.

— Мы почти всегда вместе, и с нами чего только не происходило, — оживился Коля. — Могу рассказать, как мы нашли заблудившуюся в лесу девочку, как собирали деньги на операцию для математички, как учились читать мысли. А еще однажды устроили настоящий школьный бунт.

— Это очень хорошо, — одобрил Олег Васильевич, — но давай сначала поговорим о ваших вкусах и предпочтениях. Что вы любите одинаково сильно, а в чем различия?

— Трудно вот так сразу вспомнить... — Коля наморщил лоб. — Сестра любит маслины, а я их терпеть не могу. Зато люблю квашеную капусту и соленые огурцы, а она нет. Она любит вареное мясо, сыр, зелень, орехи и ягоды, а я — шашлыки, макароны, пельмени и супы. А вместе мы фанаты мороженого, арбузов и яблочной пастилы.

— Этот вопрос не только о еде. Он шире.

— Извините, — спохватился Коля. — Она предпочитает книги, а я кино, она меломанка, я больше по спорту, ей нравится порядок, мне же на него плевать, Люся старается не спешить в принятии решений, а мне нужно все и сразу, она доверяет интуиции, я — фактам...

— Хочешь сказать, что вы совершенно разные люди?

— Ну что вы? Мы не можем быть совершенно разными, потому что вместе росли, воспитывались, ходили в один класс и друзья у нас общие.

— То есть, скажем, если бы рядом с тобой с момента рождения находился ребенок из другой семьи, ничего бы не изменилось?

Коля недоумевающе посмотрел на писателя.

— Как не изменилось? Мы же с Люсей очень похожи. Вы сами видели.

— Получается, дело только во внешности? И ваша близость ограничивается лишь этим?

— Ладно, я понял. — Коля пробежал глазами по стенам с картинами. — Вы хотите спросить про связь — есть ли она между нами, потому что сходство и связь — это разное.

Губы писателя довольно растянулись, отчего глаза сделались совсем крохотными, а курносый нос вздернулся еще сильнее.

— Я очень рад, что ты осознаешь это. Значит, мы движемся в верном направлении.

— Однажды Люсю в бассейне ударила током сушилка для рук. А я в это время был еще в воде, и когда это произошло, у меня неожиданно свело обе ноги. Никогда раньше ноги не сводило, а тут сразу две. Хорошо, тренер оказался рядом. А еще Люся как-то пошла в магазин и на обратном пути к ней привязались два алкоголика. Она тогда так сильно испугалась, что я сразу понял: что-то случилось, и — как был в домашнем — рванул в магазин. К счастью, наткнулся на них неподалеку от дома. Вот такая связь у нас есть — это правда.

— Это хорошо. — Гончар сделал вид, будто что-то записывает. — Выходит, вы способны передавать друг другу чувства боли и страха. А какие-то другие эмоции? Скажем, положительные. Радость? Счастье?

— Никогда о таком не задумывался, наверное потому, что от счастья не сводит ноги в бассейне, — усмехнулся Коля. — Но если повспоминать, скорее всего, найдутся примеры.

Вообще, мы с сестрой живем очень дружно. С самого рождения. Ссоримся иногда, но без злости и больше от скуки. Люся порой «маму» включает и цепляется с поучительными замечаниями вроде: «руки не моешь», «постель не заправил», «громко жуешь», «мусор не выкинул», «не стрижешься». А я разыгрываю ее: могу жабу в кровать под-

сунуть, или в квас папиного пива подлить, или сфоткать в некрасивом виде, чтобы она просто пофыркала. Бывает, и повозимся, типа деремся, но никогда ничего такого, что не закончилось бы перемирием или смехом.

— Получается, вы очень близки?

— Конечно, близки. У нас, кроме друг друга, никого нет. Можно ведь про родителей не рассказывать?

— Я бы с удовольствием послушал и про них, но на нет и суда нет. — Олег Васильевич снова уткнулся в блокнот. — Скажи, а тебе когда-нибудь хотелось быть одному, самому по себе? Ты уникальный и неповторимый — как другие люди?

— В смысле, без сестры? — удивился Коля. — Не! Она делает меня намного более уникальным. У нас в поселке нет больше такой двойни, как мы. Нас все знают, мы особенные. Некоторые люди даже специально с нами знакомятся, им интересно нас сравнивать. Да и потом, что бы я делал один? Подыхал от скуки и одиночества?

— Хорошо, допустим. Ну а если бы у тебя был брат. С братом же намного интереснее — общие увлечения, проделки.

— В том, что касается проделок, Люся не уступит ни одному парню. — Коля невольно рассмеялся.

— Значит, тебя не смущает, что она девочка?

— Ни капли. В этом даже есть плюсы. Благодаря ей я научился отлично ладить с девушками, понимаю их и умею подстраиваться.

Гончар одобрительно покачал седой головой.

— Что ж, это всем плюсам плюс. У тебя есть девушка, который ты встречаешься?

Коля неопределенно пожал плечами.

— Сейчас нет.

В школе и, пожалуй, даже в поселке он пользовался повышенным вниманием со стороны женского пола: он от-

лично сложен, разговорчив, излишней стеснительностью не страдал и занимался спортом.

И после расставания со своей первой любовью Вероникой успел повстречаться с пятью или даже шестью местными красотками без каких-либо привязанностей и клятв.

— А у твоей сестры есть парень?

— Нет и не было.

— Почему?

— Не нравится никто.

— Но ведь рано или поздно это произойдет, и как ты отнесешься к тому, что Люся полюбит кого-то сильнее, чем тебя?

— Да хорошо отнесусь. — Коля пожал плечами. — Я хочу, чтобы она нашла себе нормального парня.

— А нормальный — это, по-твоему, какой?

— Нормальный — это нормальный.

— Нормальных не будет! — Гончар пристально посмотрел на него из-под бровей. — Просто знай. Ты думаешь, что нормальный — это кто-то похожий на тебя, но другого такого нет. Да если бы даже и нашелся, ты все равно не признал бы этого.

Люся дожидалась брата, сидя на полу перед книжным шкафом в библиотеке их квартиры и обложившись книгами Гончара. Их было двадцать две, и Люся твердо решила прочитать хотя бы три из них. Стоило сделать это раньше, когда они только собирались ехать сюда, но подготовка к сдаче ЕГЭ отнимала у нее все время и силы.

Теперь свободного времени предостаточно, и знакомство с творчеством хозяина дома она считала как минимум частью этикета. Будет стыдно, если писатель подумает, что они с братом пренебрегают им, используя лишь в своих интересах. Это может расстроить его и обидеть, а им нужно продержаться здесь как можно дольше.